

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Студенческие спектакли, как правило, оценивают не в газетных рецензиях, а в обычных зачетках, и этот подход нельзя не одобрить. Но к мастерской Сергея Женовача, который в свое время перенял в ГИТИСе эстафету у Петра Фоменко, отношение особое: слишком уж часто дипломные постановки под руководством этого педагога в один момент делались знаковыми событиями в театральной жизни Москвы. Еще интереснее, если за постановку берутся не студенты, а сам мастер — в Российской академии театрального искусства прошла премьера спектакля Сергея Женовача «Мальчики».

«Мальчики» — это отдельная сюжетная линия в «Братьях Карамазовых», редко находящая себе место на сцене. Можно припомнить разве что написанную по этой главе романа Достоевского пьесу Виктора Розова, которая некогда ставилась в Центральном детском театре. Для студенческого спектакля «Мальчики» — как будто резонный выбор: во-первых, роли расходятся прекрасно, а во-вторых, когда же и мальчишествовать актерам, как не в этом возрасте? Но с другой стороны, берясь за «Мальчиков», Женовач предпринимал выбор рискованный: более сентиментальные, а местами и открыто экзальтированные страницы у Достоевского если и сыщешь, то с трудом. Как справиться с таким потоком эмоций, как не оказаться снесенным бурным течением? Но Женовач, по всей видимости, знал, на что шел. Он ставил программно-сентиментальный спектакль и восторженной экзальтации ничуть не опасался.

По мере развития спектакля постепенно осознаешь, что вычлененные из романного контекста сцены сами по себе складываются чуть ли не в некий евангельский апокриф, повествующий о воскресении из мертвых. Начнется с ненависти (первой идет сцена, где мальчишки забрасывают озлобившегося Илюшу — Сергея Пирняка камнями), а закончится всеобщей любовью, массовым братанием у Илюшиного погребального камня и знаменитой фразой Алеши Карамазова (Александр Коручев) о том, как все мы непременно восстанем из мертвых и «весело, радостно расскажем друг другу все, что было». Весь этот путь «от камней до камня» режиссер-педагог выдержит в манере хоть и просветленной, но аскетичной: мало того что сцена останется пуста на всем протяжении спектакля, так даже и ни одна музыкальная нота не прервет словесные излияния героя Достоевского. Ну разве что собачий вой иногда раздастся.

Собака по кличке Перезвон (многозначительно-церковная семантика, однако!) у Достоевского едва упоминается, а Женовач делает ее полноценным действующим лицом. Вроде бы здесь тебе и простейший студенческий этюд на показ животных (Сергей Аброскин отчаянно виляет растяну-

ЩЕНЯЧЬИ НЕЖНОСТИ

Сергей Женовач поставил «Мальчиков» со своим курсом в ГИТИСе

Илюша Снегирев (студент Сергей Пирняк, на первом плане) совершит в спектакле Сергея Женовача путь от озлобления к христианской любви

Фотограф: Франк Вильягра / Газета

тым рукавом свитера, словно хвостом, и ластится к кому ни попадя), но не только. Эти щенячьи восторги, эта преувеличенная жажда нежности и любви с далеко высунутым от усердия влажным языком могут служить чуть ли не метафорой спектакля. У Женовача напрочь отсутствует не то что бы ирония по отношению к сентиментальничанью Достоевского, но даже и всякий естественный механизм сопротивления восторгам, свойственный застенчивой человеческой природе. Временами спектакль начинает смахивать на слащавую книжку о добром боженьке для воскресных школ, и зрителю порой кажется, что в пору руками развести:

ну это уж ни в какие ворота. Но в следующее мгновение понимаешь: режиссер совершенно сознательно работает с архаической категорией «умиления».

Из полифонического романа Достоевского Женовач выпянул, назвал Бахтину, только одну линию, только один нежный мотив. Здесь нет ни Ивана с его чертом, ни безверия, и дьявол с Богом не борется за сердце человеческое. Женовач построил мир для Алеши, и все в этом мире есть Бог, есть любовь. Нигде больше, как в «Мальчишках», вы не встретите у Достоевского столько уменьшительно-ласкательных слов. Тут тебе и цветочки для Илюшечки, и птички на могилке, и уйма дру-

гих нежностей. Про «Мальчиков», поставленных на курсе Сергея Женовача, можно сказать, что это уменьшительно-ласкательный спектакль. Все, чего он хочет, — заставить зрителя уменьшиться (то есть стать добрым мальчиком; ну или девочкой, коли уж природа так распорядилась), а потом обласкать его. Сказать, что эта режиссерская попытка совершенно беспорна, было бы преувеличением. Сказать, что у его ребят все-все получилось, тоже нельзя (порой их актерские краски грешат однообразием — ну да ведь они только учатся). Но закроем глаза на огрехи: режиссерское донкихотство сегодня дороже стоит.

Газета - 2004 - 17 мая - с. 15